

Н.Г. САМАРИНА
РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ XVIII - XX ВЕКОВ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

Эпоха Петра Великого является предметом внимания многих российских историков XVIII-XX вв. К числу ключевых проблем в их исследованиях относятся предпосылки и последствия петровских преобразований, планомерность, систематичность и историческая сущность реформ, сближение России и Запада, личные заслуги императора.

Неисчерпаемая актуальность перечисленных проблем обусловлена как богатейшей фактической насыщенностью эпохи, так и ее переломным характером, особым местом в истории России. Оценка петровских преобразований и личности реформатора зависела от общественно-политической позиции и общей концепции историка: отношения к реформе и революции как формам общественного прогресса, признания единства закономерностей исторического развития, взгляда на соотношение роли народа, государства и личности в истории, общей периодизации отечественной истории. Многие ученые и общественные деятели считали необходимым дать оценку петровских реформ независимо от своих профессиональных интересов, подчас даже не владея фактическим материалом, не анализируя его самостоятельно.

В силу указанных причин концепции преобразований первой четверти XVIII в. неравнозначны по многим параметрам: полноте источниковой базы, глубине постановки проблемы, степени аналитической проработки фактического материала, восприятию эпохи в целом или отдельных ее сторон и проявлений, наличию тенденции к описательности и популяризации.

Особую роль (по мнению некоторых историков) сыграла в реформах Петра Великого внешняя политика. Уяснение ее места в системе преобразований имело существенное значение при складывании концепции. Концептуальное значение трактовки внешней политики первой четверти XVIII в., а именно ее факторов (причин, движущих сил внешней политики, определяющих ее задачи и направления) и ее сущности является предметом внимания автора статьи. Исторические исследования, повторяющие ранее сформулированные концепции, а также посвященные отдельным сторонам внешней политики Петра Великого и ее отдельным событиям, в статье не рассматриваются.

Современники и ближайшие потомки, оставившие след в просветительской отечественной историографии, оценивали первую четверть XVIII в. не критически, односторонне, все нововведения рассматривались ими как общенародное благо. Исключительное место занимает Петр I в творчестве М.В. Ломоносова: трудно назвать научное или художественное его произведение, в котором не затрагивалась бы петровская тематика. Ученый рассматривает деятельность Петра и как прямое продолжение политики его предшественников, и как начало нового периода в русской истории. Ломоносов считал, что начиная с Петра Россия окончательно вышла из состояния варварства и прочно вступила в Век Просвещения. Развитие науки и просвещения обеспечило быстрый подъем экономики, экономическую и военную независимость страны, стало основой успешного проведения внешней политики. Поэтому Петр заботился прежде всего о том, чтобы «всякого рода знания распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить»¹. Для Ломоносова Петр - «премудрый Учитель и Просветитель», «неусыпный...

Основатель и Строитель» внутри страны и «Великий наш Защитник» вне ее². Петр превосходил своих подданных, возвышался над ними не величием царского титула, но обширными познаниями, опытом и трудолюбием, горячей любовью к Отечеству. Его многосторонняя деятельность всегда отвечала интересам государства как целого.

Развернул и конкретизировал панегирическую оценку в своем известном многотомном труде И. И. Голиков³. Историк поставил перед собой задачу — собрать новый архивный материал о великом Государе и изложить его в описательно-повествовательной форме.

Диаметрально противоположную оценку преобразованиям первой четверти XVIII в. дал князь М.М. Щербатов в ряде сочинений, главные из которых - «О повреждении нравов в России» (1786-1789) и «Смотрение о пороках и самовластии Петра Великого» (1782). Историк заявлял о падении в его время моральных устоев и принципов, что грозит падением государства. Причины же находились в преобразованиях Петра I. Щербатов впервые в отечественной историографии противопоставил идиллическую Московскую Русь Петербургской России, плоду произвольной деятельности монарха. История после Петра - это история «правлений и пороков» одновременно. С одной стороны, Россия приобрела вес в Европе, были созданы регулярная армия и флот, одержаны победы в войнах, процветали ремесла и торговля, науки и искусства. С другой стороны, «истинная привязанность к вере стала исчезать», «твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти», в судебные места стало проникать корыстолюбие⁴. Выразившее интересы аристократической оппозиции Екатерине II, сочинение «О повреждении нравов в России» впервые было опубликовано только в 1858 г. А.И. Герценом в Лондоне вместе с «Путешествием из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева⁵.

Несмотря на серьезные разногласия с М.М. Щербатовым, И.Н. Болтин согласился с его оценкой личности и реформ Петра. Он критикует попытки «европеизировать» Россию, противопоставляя допетровскую Русь петровской, гармонию в обществе падению нравственного уровня помещиков⁶.

Н.М. Карамзин не успел охарактеризовать петровскую эпоху в «Истории Государства Российского», но в «Записке о древней и новой России», написанной по просьбе сестры Александра I и впервые опубликованной только в 1914 г., обвинил Петра I в том, что он «унижал россиян в собственном их сердце», «захотел сделать Россию юландиею» и что в результате его деятельности русские люди «стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России»⁷. Осуждая Петра за крутую ломку нравов и обычаев, историк противопоставлял ему Ивана III, который действовал осмотрительно и осторожно, не прибегал к насилию. Правда, Карамзин признал значение внешней политики Петра, преобразований в области развития промышленности, торговли и просвещения: «...Великий муж самыми ошибками доказывает свое величие, их невозможно изгладить, - как хорошее, так и худое делает он навеки»⁸.

Таким образом, в XVIII - первой половине XIX в. отечественные историки, размышляя о факторах и сущности внешней политики Петра, высоко оценивали ее дипломатические итоги - возведение России в ранг мировой державы. Однако процесс европеизации рассматривался неоднозначно: на смену пиететическому отношению ко всему, что делал великий Государь, пришла критика нравов, сложившихся в первой четверти XVIII в. под влиянием европейских традиций, сожаление об ориентации на «Голландию» в ущерб утерянной самобытности.

В 40-70-е гг. XIX в. развернутую оценку внешней политике Петра дал СМ. Соловьев в обобщающей многотомной «Истории России с древнейших времен» и

в монографии «Публичные чтения о Петре Великом» (1872).

СМ. Соловьев разрабатывал теорию органического, внутренне обусловленного, закономерного, единого и поступательно-прогрессивного исторического развития: юности, зрелости или мужества, старости. На первом этапе общественная жизнь не развита, господствует разгул индивидуальных страстей. На втором этапе, зрелого развития, осуществляется переход к государственному строю, распространяются наука и просвещение. В России этот этап наступил с эпохой Петра I. На третьем этапе наступает упадок, народы утрачивают способность к прогрессу.

Вслед за Гегелем источником исторического прогресса СМ. Соловьев считал борьбу противоположных начал, как общих для народов, так и своеобразных, объясняющих национальные особенности. Общим было противоречие между идеалами христианства как высшей цели поступательного развития и ограниченностью человеческих возможностей. «Христианство постановило такое высокое нравственное требование, которому человечество по слабости своих сил удовлетворить не может, — а если б удовлетворило, то упразднились бы возможности самого прогресса»⁹. Главный двигатель исторического развития России — борьба родовых и государственных отношений, «старого» и «нового», передовых начал европейской цивилизации с отжившими формами общественной жизни. Победа в XII-XVI вв. государственности поставила задачу сближения с народами Западной Европы, решенную в XVII - первой половине XVIII в. Центральное место в этом периоде отечественной истории заняли петровские преобразования: Россия перешла в стадию господства разума, развития науки и культуры, стала влиять на судьбы Европы. После Петра вплоть до 60-х гг. XIX в. Россия должна была продолжать реализацию провозглашенной им программы реформ, уклонение от которой всегда сопровождалось печальными последствиями.

Эпохе Петра I посвящено пять томов «Истории России»: Соловьев систематизировал обширный, разысканный им в архивах и ранее неизвестный фактический материал. В конкретном изложении историка внутренняя и внешняя политика тесно переплетены, поскольку «громкая деятельность Петра не была обращена на отношения внешние, на завоевания. Война была для него только средством для внутренней деятельности: тут поприще было обширнее, разнообразнее и труднее, препятствия сильнее, враги многочисленнее, скрытнее и опаснее, поражения частые и тяжкие, успехи медленнее — в далеком будущем»¹⁰. Однако внешняя политика породила ряд явлений всемирно-исторического значения.

Во-первых, Северная война, окончившаяся блистательным для России миром, «изменяла положение Европы: подле Западной Европы для общей деятельности с нею явилась новая Европа, Восточная, что сейчас же отразилось в европейском организме, отозвалось всюду - от Швеции до Испании». Русские люди через знакомство с европейской цивилизацией осознали то великое значение, «какое они получили в этой гордой и недоступной им прежде Европе; не покорными только учениками явились они здесь, но самостоятельными и сильными участниками в общей деятельности, заняли почетное место, заставили относиться к себе с уважением. Напряженные усилия, тяжкие пожертвования были вознаграждены небывалою славой, неожиданными выгодами»¹¹.

Во-вторых, мир признал Россию представительницей славянского племени, чем был уничтожен предрассудок об исключительном господстве в новой истории германского племени, о монополии его исторической деятельности. Признание славян историческим народом было одной из основ «органической теории» СМ. Соловьева.

Ученый рассматривает четыре внешнеполитические проблемы: отношения с Швецией и борьба за выход к Балтийскому морю, отношения с Турцией и борьба за выход к южным морям, славянский вопрос и отношения с Польшей, дипломатические отношения с Францией, Англией и другими европейскими странами.

Первая проблема разрешалась на протяжении всего правления Петра, была фоном всех его преобразований. Великую Северную войну историк сравнивает с войной за испанское наследство на Западе: обе войны привели к изменению расстановки сил в Европе, падению значения Швеции и Франции. «Как на Западе против Франции образуется союз из императора, Англии и Голландии, так на северо-востоке образуется союз из России, Дании и польского короля (курфюрста саксонского) против Швеции»¹². Но если Людовик XIV и Карл XII воспользовались всеми достижениями своих держав, вконец истощив их, то Петр создал небывалой в истории деятельностью и вызовом народных сил новые, могучие средства. Он медленно учился, используя как поражения, так и победы, проявив железную волю и упорство. «Петр не был вовсе воинственный государь; его задача, необыкновенно ясно им сознаваемая, состояла в преобразовании, т. е. в приобретении новых, необходимых средств исторической жизни для своего народа; война была предпринята с той же целью — с целью дать России место у северного Средиземного исторического моря, потому что Балтийское и Немецкое моря должно рассматривать как одно северное Средиземное море, соответствующее по важности своего значения для Северной Европы южному Средиземному морю»¹³.

Корни южной проблемы СМ. Соловьев видит в XVI в., когда русские границы достигли устья Волги через покорение Астрахани и Россия «волею-неволею» должна была вмешиваться в дела кавказских народов. «Интересы трех больших государств - России, Турции и Персии — сталкивались на перешейке между Черным и Каспийским морями среди варварского, раздробленного, порозненного в вере народонаселения, части которого находились в постоянной борьбе друг с другом. Россия, призываемая на помощь христианским народонаселением, не могла позволить усилиться здесь магометанскому влиянию, особенно турецкому; а теперь, в эпоху преобразования, имевшую целью развитие промышленных сил народа, к интересам религиозным и политическим присоединился интерес торговый, стремление обеспечить русскую торговлю в стране, издавна обогащавшей купцов московских»¹⁴.

Первым шагом в этом направлении были Азовские походы: после первого литовского похода Алексея Михайловича, за которым следовали неудачи и тягости, русские люди впервые были порадованы «блестящим делом русского оружия». «Взятие Азова принадлежало к числу тех немногих торжеств, которые должны сильно поражать народное воображение; это было первое торжество над страшными турками, которые недавно еще разорили Чигирин в глазах нашего войска»¹⁵. Следующим шагом стала Турецкая война 1711 г. и постоянное внимание к Кавказскому перешейку в целях предотвращения следующей войны. И наконец, Каспийский поход. «Интересы России и Турции необходимо сталкивались по отношению к Персии; Петр спешил занять прикаспийские области Персии и потому, чтобы не дать утвердиться здесь туркам; если христианское народонаселение Персии - армяне, грузины - прибегало под покровительство русского императора, то магометанское народонаселение Закавказья - лезгинцы, овладевшие Шемахою, из боязни перед русскими должны были отдаться под покровительство султана»¹⁶.

По мнению СМ. Соловьева, польская проблема имела три стороны. И в первую очередь она связана с отношением мира германского к миру славянскому

вообще. До XVIII в. славяне постоянно отступали на восток под натиском германского племени. «Из двух отраслей славянского племени, восточной и западной, двум самым сильным народам, русскому и польскому, история вначале предоставила две борьбы для охраны славянства: русскому - борьбу с восточными азиатскими хищниками, польскому - с немцами». Русский народ выполнил свою задачу - подавил азиатов на Великой Восточной равнине и занял Северную Азию. Польский народ не выполнил свою задачу — не поддержал западных собратий в борьбе с германским племенем, дал последнему онемечить польские земли (Померанию и Силезию). «Но, отступая перед немцами на западе, поляки двигались на восток и стремились здесь вознаградить себя на счет своих же славян, на счет русского народа, заставляя его ополячиваться посредством католицизма. Уступая немцам целые области польские, поляки захватили русский Галич и чрез соединение с Литвою притянули к себе западные русские княжества». Сбравшись же около Москвы, Восточная Русь необходимо повернула на Запад для соединения с Западной Русью. В этом стремлении она столкнулась с Польшей, старавшейся отнять у западнорусского государства его национальность. Продолжительная борьба привела к явному преимуществу России над «полумертвою от страшной внутренней болезни Польшею. Но труп собирал около себя орлов. Западные соседи Польши, немцы, видели в ней легкую добычу и стали хлопотать, как бы усилиться за ее счет, захватить всю, и если нельзя, то поделить добычу»¹⁷. Саксонский и бранденбургский курфюрсты усилились и стали королями за счет Польши, что повлияло на состав дипломатических союзов накануне и в ходе Северной войны.

Второй стороной польского вопроса было «православно-русское дело в польских областях». «Если относительно армян Петр высказался, что "нельзя по христианству отказать в покровительстве христианам", то понятно, что он не мог оставить без покровительства христиан и русских людей, которые не переставали просить помощи против гонения от польских католиков и униатов»¹⁸. Петр снесся с двором папы Климента XI и поставил ему на вид, что, кроме иезуитов, другие католические лица могут быть допущены в Россию при условии невмешательства в политические и другие несвойственные им дела.

Третья сторона польского вопроса - судьба Курляндии после смерти герцога Фридриха-Вильгельма, мужа племянницы русского государя. На Курляндию претендовали Россия, Польша и Пруссия.

Из проблем чисто политических на первом плане для России было восстановление дипломатических отношений между Россией и Англией при посредстве Франции. Франция принуждена была всячески стараться о сохранении мира в Европе и поддерживать для этого дружбу с английским королем Георгом. Россия же примирялась с Англией только для вида. Постоянное русское посольство с 1723 г. было и в Испании.

Итак, в первой четверти XVIII в. совершилось одно из величайших событий европейской и всемирной истории: «восточная половина Европы вошла в общую жизнь с западною; что бы ни задумывалось теперь на Западе, взоры невольно обращались на Восток; малейшее движение русских кораблей, русского войска приводило в великое волнение кабинеты; с беспокойством спрашивали: куда направится это движение?»¹⁹.

Оценивая вклад СМ. Соловьева в изучение сущности и факторов внешней политики Петра Великого, следует подчеркнуть, что внешняя политика рассматривается историком только как продолжение и составная часть внутренней политики. К числу ее факторов относятся величие внутренних преобразований и напряжение народных сил, назревшая необходимость поворота России на Запад, возросшая мощь славянского мира и ослабление германского

народа, наличие условий для распространения христианства и покровительства христианам в сопредельных территориях, неутомимая деятельность императора. Сущность же внешней политики неотделима от преобразовательной сущности нового этапа российской истории, этапа зрелости и мужества.

Оппоненты СМ. Соловьева не могли отрицать закономерности и прогрессивности Петровских реформ, но не принимали в них насилия, подавления народа, разрыва самодержавия с народом, разобщения сословий. В полемике 1847 г. с В.Г. Белинским славянофил Ю.Ф. Самарин писал: «Кому приходило в голову признать случайным явление Петра Великого, его реформу и последующие события до 1812 года? Кто не признавал их исторически необходимыми? Нужно ли повторить еще раз объяснения, почти что поступившие в разряд общих мест? Кажется, незачем»²⁰. Однако возможность особого пути исторического развития России была подорвана, разрушилось гармоническое распределение прав и обязанностей между «землей», «обществом» и «царем».

Принципиальная переоценка факторов и сущности внешней политики первой четверти XVIII в. произошла на рубеже XIX-XX вв., когда на смену гегельянству в российской историографии пришел позитивизм, субъективный метод в социологии, материализм и другие новейшие философские системы. Концепция, отражающая новую историографическую ситуацию, представлена в исследованиях В.О. Ключевского.

Российская историческая наука конца XIX - XX в. находилась в состоянии кризиса и поиска новых концепций. Эклектизм концепции В.О. Ключевского характеризуется попыткой соединить позитивизм с субъективным методом и экономическим материализмом. Историк отказывается от признания закономерности, внутренней взаимообусловленности и органичности исторического процесса. Критериями периодизации отечественной истории у него являются развивающиеся параллельными рядами факторы: географический, политический, социальный и экономический. Соответственно период, к которому относятся реформы Петра, имеет четыре характеристики: всероссийский, императорско-дворянский период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского (XVIII — первая половина XIX в.). В результате расширения Великороссии образовалась Российская империя. Господствующей политической силой стало дворянство. Окончательно оформилось крепостное право. К земледелию как основному занятию присоединилась промышленность, фабричная и заводская. Характеристика преобразований Петра Великого и их последствий дана В.О. Ключевским в четвертой части «Курса русской истории»²¹, специальном курсе «Западное влияние в России после Петра» (1890- 1891)²² и статье «Евгений Онегин и его предки» (1887)²³. В отличие от СМ. Соловьева В.О. Ключевский не видит органической связи между внутренней и внешней политикой первой четверти XVIII в., развенчивает образ Петра, подчеркивая его противоречивость, сочетание в нем великого и мелкого. «Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толкала к реформам. В жизни государств внешние войны и внутренние реформы обыкновенно не совмещаются, как условия, взаимно противодействующие. Обычно война - тормоз реформы, требующей мира. В нашей истории действовало иное соотношение: война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода перезаменкой. В последнем случае правительство избегало внешних столкновений до того, что роняло международное значение государства. Так успехи внутренней политической жизни приобретались ценою внешних

несчастий»²⁴.

В.О. Ключевский развенчивает и тезис об органичности поворота России на Запад, благоприятных последствиях этого поворота для международного престижа страны и ее дальнейшего исторического развития. Новая русская Европа могла похвастаться способностями, лишь подававшими надежды, бытовой косностью, покоившейся на вере отцов и дедов, привычкой повиноваться до первого бунта, только пробудившейся любознательностью, смутным чувством потребности права и склонностью к терпеливой работе. В результате «столь несоизмеримые исторические величины, как Россия и Западная Европа, стали не только соседками, но и соперницами, вошли в разнообразные прямые соприкосновения и даже вступали в столкновения; по крайней мере одна вовсе не расположена была щадить другую, а другая силилась не отстать от первой из страха стать ее жертвой»²⁵.

Историк своеобразно трактует мотивы Петра при поездке в составе Великого посольства и дальнейших культурных взаимодействиях с западными соседями. Государь поспешил забежать в «мастерскую культуры» «и не хотел, по-видимому, идти никуда больше, по крайней мере оставался рассеянным, безучастным зрителем, когда ему показывали другие стороны европейской жизни. Возвращаясь в Россию, Петр должен был представлять себе Европу в виде шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами»²⁶. Полный полезными знаниями, Петр полагал, что посланные за границу дворяне вывезут столько же полезных знаний, обучатся морской службе, механике, медному и столярному ремеслам, живописному искусству и тому подобное. Однако ожидания были обмануты: дворяне убегали от науки, выучивались тратить деньги и пить, дрались и убивали друг друга, разорялись, а бедные, едва не умирая с голода от нужды, поступали на иностранную службу. «По возвращении домой с этих проводников культуры легко свеивались иноземные обычаи и научные впечатления, как налет дорожной пыли, и домой привозилась удивлявшая иностранцев смесь заграничных пороков с дурными родными привычками, которая, по замечанию одного иноземного наблюдателя, вела только к духовной и телесной испорченности и с трудом давала место действительной добродетели — истинному страху божию»²⁷.

При скептическом отношении к дворянству как проводнику западной культуры В.О. Ключевский не мог отрицать благоприятных экономических последствий сотрудничества с Европой. Петр, не будучи слепым западником и обладая расчетливым характером, заводил в России все полезное, что он видел на Западе. «У России не было регулярной армии - он сформировал ее; не было флота — он построил его; не было удобного морского пути для внешней торговли - он армией и флотом отвоевал восточный берег Балтийского моря; была слаба промышленность добывающая и почти отсутствовала обрабатывающая - после него осталось более 200 фабрик и заводов; для всего этого необходимо было техническое знание - заведены были в столицах морская академия, школы навигацкая и медицинская, училища артиллерийское и инженерное, школы латинские и математические и до полусотни начальных цифирных школ в губернских и провинциальных городах да столько же гарнизонных для солдатских детей...»²⁸ Петр стремился пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом - техническим знанием. «Мысль, смутно мелькавшая в лучших умах XVII в., о необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны, чтобы дать ему возможность вести усиленные государственные тягости, - эта мысль была усвоена и проводилась Петром, как никогда ни прежде, ни после него: здесь он стоит одиноко в нашей

истории. И во внешней политике он обратил все народные силы на разрешение вопроса, казавшегося ему наиболее важным для народного хозяйства, — вопроса балтийского»²⁹.

Таким образом, постановка основной внешнеполитической проблемы была подсказана императору трезвой оценкой результатов и перспектив экономического развития страны. Правда, по мнению В.О. Ключевского, приоритет этой проблемы определился случайно. «Петру достались от предшественников две задачи, разрешение которых было необходимо для того, чтобы обеспечить внешнюю безопасность государства: во-первых, надо было довершить политическое объединение русского народа, едва не половина которого находилась еще за пределами Русского государства; во-вторых, предстояло исправить границы государственной территории, которые с иных сторон, именно с южной и западной, были слишком открыты для нападения»³⁰. Решение первой, национально-политической, задачи вызвало ряд упорных войн с врагом и ближайшим соседом - Речью Посполитой. Эта задача была в основном решена в 1686 г. Вторая, территориальная, задача приводила Русское государство к столкновению с двумя внешними врагами: Швецией и Турцией. Одновременно решать обе задачи внешней политики и бороться на три фронта было нельзя. Петр вступил в это сочетание международных отношений, до него создавшееся, и не смог сразу принять правильное решение. Сначала он приступил к исправлению и ограждению южных границ русского государства, укреплению берегов Черного и Азовского морей, созданию на Азовском море первого русского флота. После взятия Азова он помышлял о торговом движении к азовским портам и о черноморском флоте, начал дорогостоящие работы по сооружению каналов, в 1711 г. брошенные.

Международная обстановка изменилась, и Петр повернул усилия к Балтийскому морю, новой столицей стал не Азов или Таганрог, а Санкт-Петербург. Началась Северная война, плохо продуманная и неподготовленная, заставшая Россию врасплох. Война стала пружиной и фоном всей деятельности императора. «Колыбель реформы в другие времена, война при Петре стала ее школой, как и называл ее сам Петр. Но и при нем сказывалось это неестественное соединение взаимно противодействующих сил: война оставалась тормозом реформы, а реформа затягивала войну, вызывая глухое народное противодействие и открытые мятежи, мешавшие собрать народные силы для окончательного удара врагу. В таком замкнутом кольце противоречий пришлось Петру вести свое дело»³¹. Северная война дала семь балтийских портовых городов: Ригу, Пернов, Ревель, Нарву, Выборг, Кронштадт и Санкт-Петербург (два последних вновь построены). Внешняя торговля переводилась с беломорского пути на балтийский, сооружались каналы, новые гавани. Настойчивость Петра в этих связанных с людскими жертвами и финансовыми затратами начинаниях понятна В.О. Ключевскому. «Петербург со своим оплотом, Кронштадтом, возник как боевой форпост против Швеции. С окончанием войны он утратил бы право на звание столицы, если бы не удержал значение средоточия торговых и всяких других сношений с Западной Европой... не мог же он оставаться только городом чиновников да лагерем двух гвардейских полков... и четырех гарнизонных...»³²

Таким образом, Петр, следуя указаниям своих предшественников, под давлением обстоятельств, выбрал одну из внешнеполитических задач, сузив программу внешней политики. Мало этого — он затянул ход войны, не разобравшись в сложностях дипломатических отношений и слишком уповая на союзников. В.О. Ключевский подчеркивает слепоту императора, военные неудачи русской армии и прерывистый ход войны. «Ништадтский мир 1721 г. положил запоздалый конец 21 -летней войне, которую сам Петр называл своей

"трехвременной школой", где ученики обыкновенно сидят до семи лет, а он, как туго понятливый ученик, засиделся целых три курса, все время цепляясь за союзников, страшаясь одиночества, и только враги-шведы открыли ему, что вся Северная война велась исключительно русской силой, а не силой союзников»³³.

Взгляд В.О. Ключевского на сущность и факторы внешней политики первой четверти XVIII в. противоречив. С одной стороны, очевидна связь решения отдельных проблем с народнохозяйственным развитием страны: промышленностью, торговлей и финансами. Очевидно, что армия, флот, пути сообщения, промышленность, система светского образования созданы Петром под влиянием западных образцов на благо России. С другой стороны, внешняя политика рассматривается как неблагоприятный фактор внутренней: она бессистемна, случайна, разорительна, зависима от различных комбинаций международных отношений. Историк признает Петра великим историческим деятелем, но при изложении конкретного материала подчеркивает негативные проявления характера и способностей государя, Петр представляется беспомощным дипломатом и полководцем, неудачливым политиком, нерасчетливым преобразователем.

Концепция В.О. Ключевского оказала существенное воздействие на историческую науку XX в. Развивая одну из его мыслей, П.Н. Милюков в центр внимания поставил финансовые потребности и лишь во вторую очередь войну как фактор преобразований Петра I. В монографии «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого» (1892)³⁴ историк отрицал национальные основы реформ, лишал их практического начала, считал простым подражанием Швеции. Он исключал и положительное значение личности Петра I, не видя в нем крупного реформатора. Грубая насильственная форма внутренних преобразований казалась чрезмерной платой за международный престиж: Россия возведена была в ранг европейской державы ценой разорения страны.

Повлияла концепция В.О. Ключевского и на становление советской исторической науки, одним из основателей которой был его ученик М.Н. Покровский. Как историк-марксист, М.Н. Покровский стоял на классовых позициях и рассматривал исторический процесс как смену общественно-экономических формаций. В истории XVII в. историка интересовал процесс первоначального накопления, одной из первых форм которого была концентрация капиталов в торговле. Торговый капитал ускорял разложение ремесленного производства и содействовал возникновению промышленных предприятий. Вывод о появлении особой в истории нашей страны эпохи торгового капитализма был сделан в работе «Очерк истории русской культуры» (1915-1918)³⁵.

По мнению М.Н. Покровского, реальное существование феодального строя закончилось уже в XVI в., в XVII в. он после «смуты» вообще держался на правах «переживания», уже появились многочисленные признаки надвигавшегося торгового капитализма. Торговый капитализм нашел готовую систему в крепостном праве. Помещик охотно выжимал из крестьян прибавочный продукт на условиях «участия в прибылях». Опорой крепостного хозяйства были мелкие крестьянские самостоятельные хозяйства, несущие барщину и другие повинности. Крупные помещичьи хозяйства того времени ученый считал торгово-капиталистическими предприятиями. Торговый капитал завладел процессом обмена уже к XVIII в. «Но производство стало у нас капиталистическим гораздо позже — не ранее второй половины девятнадцатого столетия»³⁶. В XVII - первой половине XIX в. все внешнеполитические мероприятия царизма осуществлялись в интересах торгового капитализма, который был экономической основой бюрократической монархии в России. Историк сравнивает монархию с торговой

фирмой³⁷. Таким образом, внешняя политика рассматривалась не как продолжение внутренней в целом, а как продолжение только одной ее сферы - сферы торговли и обмена.

В обобщающем труде «Русская история в самом сжатом очерке» (1920—1923)³⁸ и других работах 20-х гг. М.Н. Покровский продолжал разрабатывать мысль об использовании торговым капиталом в своих целях крепостнического государства: «И вот торговый капитал... вынужден был создать эту громадную машину полицейского бюрократического государства, увенчанную Мономаховой шапкой. В Мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворянство были только агентами, были его аппаратом»³⁹.

По мнению М.Н. Покровского, внешняя политика России до 60-х гг. XVIII в. решительнее, чем когда-либо, ориентируется на Запад, столкновения с Турцией остаются эпизодами. «Борьба за Балтийское море была великим испытанием для государства Романовых. От исхода этой борьбы зависело, устоит ли эта новая постройка или она рухнет и обломки ее растащат другие, более счастливые соперники. Такой конец был возможен... Московское государство оказалось счастливее. Та война, от которой зависело его существование, в конце концов создала чрезвычайно благоприятные условия для его дальнейшего развития и, употребляя выражение одного поэта, воспевавшего ту эпоху, выковала его, как молот кует сталь. Война эта не была случайностью и неожиданностью»⁴⁰.

Московское государство еще с Ивана Грозного исподволь и осторожно готовилось к войне, но хорошо подготовиться не успело. Старая крепкая шведская армия оказалась сильнее молодых московских войск, что привело к поражению под Нарвой. Однако Карл XII оказался плохим дипломатом: он считал главными противниками датчан, поляков и саксонцев. Когда шведы поняли совершенную ошибку, было поздно. «Московские войска тем временем прочно стали на берегах Финского залива, куда Петр перенес и свою главную квартиру в стены завоеванной им шведской крепости, из которой он потом сделал новую столицу русского государства»⁴¹. Роли переменились, и по Ништадтскому миру Московское государство стало одной из великих балтийских держав. К этому времени в руках новой Российской империи было не только устье Невы с Петербургом и Кронштадтом, но и балтийские порты — Выборг, Рига, Ревель, то есть северный конец великого водного пути, связывающего Европу и Азию, Балтийское море с Каспийским. Торговля с Белого моря была перенесена на Балтийское, что втрое увеличивало «торговый барыш».

Теперь надо было закрепить положение Московского государства на южном конце пути, где Москве принадлежала раньше только Астрахань. Петр организовал поход против Персии с целью захватить Каспийское море в руки русского торгового капитала. Хотя поход и был менее удачен, чем Северная война, но транзитная торговля азиатскими товарами, главным образом шелком, осталась в московских руках, на Каспийском море был лишь русский флот. Овладение торговым путем Каспий - Волга - Балтийское море из Европы в Азию М.Н. Покровский считает отдельной внешнеполитической задачей, не связанной с завоеванием выхода к другим южным морям — Азовскому и Черному.

Однако польский вопрос рассматривается им как продолжение «западной ориентации» внешней политики. За Польшей до конца XVIII в. осталась Курляндия с незамерзающими балтийскими гаванями - Либавой и Виндавой. Ради приобретения этих гаваней, по мнению историка, Россия вмешалась в Семилетнюю войну, а позже участвовала в разделах Польши в союзе с бывшей противницей — Пруссией.

«Московский торговый капитал блестяще выдержал испытание и мог теперь не

бояться ни Швеции, ни Польши. В последующих войнах XVIII столетия эти два некогда могущественных соперника Москвы, перед которыми бежала русская армия, один из которых завладевал даже на время Москвой, все более и более слабеют, до тех пор пока Швеция не дошла до... униженного положения перед Русской империей... а Польша попросту не досталась в руки московскому царю, ставшему российским императором»⁴².

Таким образом, М.Н. Покровский предложил принципиально новую концепцию факторов и сущности внешней политики первой четверти XVIII в. Он различал факторы внешний (перемещение мировых торговых путей) и внутренний (интересы купеческого, торгового капитала, осуществляемые бюрократическим государством). По сути своей внешняя политика рассматривалась как политика торгово-экономическая, остальные ее аспекты имели второстепенное значение. Следовательно, Петр преследовал одну цель — овладение торговым путем из Европы в Азию через Балтийское море — Волгу — Каспийское море. Решение любой внешнеполитической задачи диктовалось этой основной целью.

Хотя в конце 1930-х гг. концепция торгового капитализма была разгромлена как антимарксистская и антинаучная, советская историография унаследовала от М.Н. Покровского классовый подход и традицию выводить задачи внешней политики из экономических интересов. Под экономическими интересами понимались интересы производственные в первую очередь. Внешняя политика рассматривалась как продолжение внутренней.

К XX в. относится серьезная научная разработка внешней политики Петра I, причем на качестве исследований сказались организованность научно-исследовательской работы и богатые возможности эмпирических изысканий в зарубежных архивах, особенно во второй половине века. Основы эмпирического изучения проблемы заложены трудами М.А. Полиевктова, наиболее значительный из которых — «Европеизация России при Петре Великом»⁴³. Обильно представлены литература по частным вопросам (балтийская политика и отношения России с противниками и союзниками, становление российской дипломатии и посольского аппарата, Северная война, создание русского флота и тому подобное), обзоры научно-популярного и военно-исторического характера. К изучению внешней политики Петра Великого обращались Л. Г. Бескровный⁴⁴, Б.Б. Кафенгауз⁴⁵, Ю.Р. Клокман⁴⁶, Т.К. Крылова⁴⁷, Н.Н. Молчанов⁴⁸, Г.А. Некрасов⁴⁹, Л.А. Никифоров⁵⁰, Н.И. Павленко⁵¹, Е.В. Тарле⁵², Б.С. Тельпуховский⁵³, С.А. Фейгина⁵⁴ и другие. Однако и на сегодняшний день не решены ключевые проблемы связи внешней политики с другими преобразованиями Петра Великого, соотношения причин и целей борьбы за выход к Балтийскому, Черному и Каспийскому морям: экономических, финансовых, военно-стратегических, политических, классовых, культурных, личных. Структурно-аналитические и фундаментальные обобщающие работы отсутствуют, и поэтому не утратили актуальности концептуальные решения, предложенные С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским и М.Н. Покровским. Замена историко-материалистического цивилизованным подходом к изучению отечественной истории ставит перед современными исследователями задачу выработки новой концепции факторов и сущности внешней политики первой четверти XVIII в. на основе накопленного эмпирического материала.

¹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М; Л., 1952. Т. 8. С. 591.

² Там же. С. 599, 601-602.

³ См.: Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 12 т. М., 1788-1789; Он же. Пополнения к деяниям Петра Великого. В 18 т. М., 1790-1797.

⁴ Щербатов М.М. Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. С. 150-168.

- ⁵ О повреждении нравов в России (князя М. Щербатова) и Путешествие (А. Радищева). Факсимильное воспроизведение. М., 1983.
- ⁶ См.: *Болтин И.Н.* Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка... СПб., 1788. Т. 1. С. 47; Т. 2. С. 253.
- ⁷ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 28.
- ⁸ Там же. С. 32.
- ⁹ *Соловьев СМ.* Собрание сочинений. СПб., б. г. С. 957.
- ¹⁰ *Соловьев СМ.* Собрание сочинений: В 18 кн. М., 1993. Кн. 10, ч. 19-20. С. 439. "Там же. С. 311.
- ¹² Там же. С. 304.
- ¹³ Там же. С. 305.
- ¹⁴ Там же. С. 355.
- ¹⁵ Там же. М., 1991. Кн. 7. С. 517.
- ¹⁶ Там же. Кн. 9. С. 380.
- ¹⁷ Там же. С. 306.
- ¹⁸ Там же. С. 396.
- ¹⁹ Там же. С. 438-439.
- ²⁰ *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М., 1877. Т. 1. С. 100.
- ²¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть 4 // Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 4.
- ²² *Ключевский В.О.* Западное влияние в России после Петра // Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 11-112.
- ²³ *Ключевский В.О.* Евгений Онегин и его предки // Сочинения: В 8 т. М., 1959. Т. 7. С. 403—422.
- ²⁴ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 4. С. 189-190.
- ²⁵ Там же. С. 206-207.
- ²⁶ Там же. С. 25. "Там же. С. 218-219. ²⁸Там же. С. 196-197. ²⁹Там же. С. 197.
- ³⁰ Там же. С. 46
- ³¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 4. С. 190.
- ³² Там же. С. 114. "Там же. С. 54.
- ³⁴ См.: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905.
- ³⁵ См.: *Покровский М.Н.* Очерк истории русской культуры. 6-е изд. Курск, 1924. Ч. 1-2.
- ³⁶ Там же. С. 81.
- ³⁷ См.: Там же. С. 308.
- ³⁸ См.: *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. 4-е изд., посмертное. М., 1933.
- ³⁹ *Покровский М.Н.* Очерки русского революционного движения XIX - XX вв. М., 1924. С. 16.
- ⁴⁰ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. С. 67-68.
- ⁴¹ Там же. С. 69.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: *Полиевктов МЛ.* Из переписки дипломатов Петровского времени // Петр Великий: Сборник статей. СПб, 1903. С. 295-305; *Он же.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира: 1721-1725. СПб., 1907; *Он же.* Европеизация России при Петре Великом. Пг., 1920.
- ⁴⁴ См.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.
- ⁴⁵ См.: *Кафенгауз Б.Б.* Внешняя политика России при Петре I. М., 1942.
- ⁴⁶ См.: *Клокман Ю.Р.* Неизданный том «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 311-322; *Он же.* Северная война 1700-1721 гг.: Борьба России за выход к Балтийскому морю и возвращение русских земель в Прибалтике // Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России. М., 1968. С. 73—114.
- ⁴⁷ См.: *Крылова Т.К.* Россия и «Великий Союз» // Исторические записки. М., 1942. Т. 13. С. 84-129; *Она же.* Внешняя политика после Полтавы 1709-1710 гг. // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 156-176; *Она же.* Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 249-277.
- ⁴⁸ См.: *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984; *Он же.* Дипломатия Петра Великого. М., 1986.
- ⁴⁹ См.: *Некрасов Г.А.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721-1726 гг. М., 1964; *Он же.* Роль России в европейской международной политике: 1725-1739 гг. М., 1976.
- ⁵⁰ См.: *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950; *Он же.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959.
- ⁵¹ См.: *Павленко НИ.* Петр Великий. М., 1975.
- ⁵² См.: *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949; *Он же.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.
- ⁵³ См.: *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700-1721 гг.: Полководческая деятельность Петра Великого. М., 1946.

⁵⁴ См.: *Фейгина С.А.* Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.